

УДК 81'23

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
РУССКИХ И КЫРГЫЗОВ: НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ**

И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева

Рассматриваются универсальные и национально специфические особенности коммуникативного поведения русского и кыргызского народов, отраженные в паремиях.

Ключевые слова: коммуникативное поведение; паремии.

**PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF RUSSIANS AND KYRGYZS
(ON THE EXAMPLE OF PAREMIAS)**

I.A. Sternin, U.D. Kambaralieva

The paper regards the universal and national specific features of the communicative behavior of the Russian and Kyrgyz peoples, reflected in the paremias.

Keywords: communicative behavior; paremias.

Термин “коммуникативное поведение” был введен в 1989 г. (И.А. Стерниным). Под этим термином понимается “поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) народа, личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума” [1].

В данное время встает вопрос о разграничении науки о коммуникативном поведении, с одной стороны, страноведения и лингвострановедения, с другой. Лингвострановедение в строгом смысле слова, в значении, приданном этому термину Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым (а не в вольном толковании как всякого сочетания обучения языку со страноведением), имеет дело с лексическими и фразеологическими единицами, оно описывает язык в его кумулятивной культурной функции, в то время как коммуникативное поведение – это описание коммуникативных действий, фактов реального общения. С этой точки зрения коммуникативное поведение не является частью или разделом лингвострановедения [2, с. 105].

Что касается собственно страноведения, то описание коммуникативного поведения определенной лингвокультурной общности выступает как часть страноведения, так как отчасти включает описание фактов этикета, национальных традиций коммуникации т. д. Коммуникативное поведение –

это *активное страноведение*, и навыки в этой области нужны для активной повседневной коммуникации с носителями той или иной национальной культуры. Активное страноведение отличается от пассивной части страноведения – сведений о культуре, географии, истории, не находящихся отражения в повседневной межкультурной коммуникации и востребуемые лишь по мере возникновения соответствующей проблематики в акте коммуникации.

Необходимо также остановиться на соотношении понятий *коммуникативное поведение и речевой этикет*. Коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет, и включает в себя его правила как составную часть. Коммуникативное поведение, характеризующееся определенными нормами, должно стать объектом особой интегральной науки, являющейся зонтичной для целого ряда наук.

Различные проявления коммуникативного поведения могут быть описаны как нормативные или ненормативные, они существуют в четырех аспектах: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы [3, с. 106]:

1. Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности в целом и в значительной степени отражают принятые для этой общности правила этике-

та, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми в целом вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности. Это такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование и др. Это – стандартные, повторяющиеся коммуникативные ситуации. Общекультурные нормы общения обладают определенной национальной спецификой.

2. Групповые нормы отражают особенности общения, закреплённые культурой для определенных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп. Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, милиционеров, детей, родителей, гуманитариев, “технарей” и т. д.

3. Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение ограничено темой общения или составом общающихся. Такие ограничения могут быть различны по характеру. Так, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения – вертикальном (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальном (равный – равный). В вертикальном коммуникативном поведении можно разграничить нисходящее (сверху – вниз) и восходящее (снизу – вверх). Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться.

4. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности. Индивидуальная норма включает также устойчивые нарушения общих и групповых норм, характерные для данного индивида [3, с. 107].

Нарушение или же несоблюдение указанных выше общекультурных и групповых норм отдельной личностью или группой лиц негативно воспринимается социумом, вызывая коммуникативный шок (термин ввел в 1960 г. американский антрополог Калерво Оберг), становясь даже причиной серьезных конфликтов. Не случайно на данном этапе учеными особое внимание уделяется сфере межкультурной коммуникации, что является отражением особенностей нашей сегодняшней жизни, когда во главу угла ставится проблема мирного сосуществования между странами и народами, поскольку, по словам Ч.Т. Айтматова, “мы все сегодня в одной лодке, а за бортом – космическая бесконечность” [4, с. 112].

С этой позиции одной из актуальных проблем является изучение причин межкультурных недопониманий на уровне межличностного межкультурного общения в различных сферах человеческой деятельности. Взаимосвязь понятийных категорий культуры эксплицируется при помощи языка, в котором отражается не только окружающий человека реальный мир, но и мировосприятие народа, его самосознание и менталитет, национальный характер, традиции, мораль, система ценностей и др.

Наиболее отчетливо можно увидеть своеобразие быта и характерные особенности жизни того или иного народа в паремическом богатстве языка, оно выступает своеобразной формой концентрированного выражения опыта поколений. В.И. Даль назвал пословицы и поговорки “сводом народной мудрости”, “цветом народного ума, самобытной стати, житейской народной правдой, своего рода судебником” [5, с. 8].

Как нам представляется, паремии, в которых отражается место человека в социуме, в своем содержании имеют в основном аксиологическую семантику, указывая при этом человеку, как подобает ему поступать в тех или иных ситуациях, или представляя ему потенциальный портрет человека, каким его ожидают видеть в обществе.

Паремии такого содержания, по нашему мнению, могут быть названы регулятивными, так как в их семантике содержится попытка регулировать поведение окружающих людей, как знакомых, так и незнакомых, детей (своих и чужих), делая замечания, предъявляя определенные требования, советуя, как правильно или лучше поступить [3, с. 198].

В качестве регуляторов поведения человека в обществе выступают этические нормы и идеалы, нравственные ценности и убеждения, которые бытуют в сознании носителей определенного типа национальной культуры и эксплицируются в языке, выработывая принципы коммуникативного поведения.

Принципы коммуникативного поведения – “это конкретные стереотипы мышления и поведения; это “общие мнения”, представления, убеждения, устойчивые привычки в деятельности, механизмы каузальной атрибуции. Они обуславливают понимание действительности определенным образом – как бы побуждая людей, принадлежащих к данному этническому коллективу, воспринимать мир определенным образом, направляют мышление и поведение по некоторым стереотипизированным, шаблонным путям” [2, с. 111].

Многие из указанных регуляторов принимают устойчивые формы, превращаясь в символы. А вся “совокупность символических значений, приписываемых действиям, поступкам, явлениям и предметам окружающей действительности тем или иным

социумом” называется социальным символизмом” [2, с. 110].

На основе вышеуказанного, паремии, в которых эксплицируется нормативы коммуникативного поведения, мы условно разделим на две группы: 1) паремии с характеристикой социума; 2) паремии, в семантике которых содержится характеристика индивидуума. В свою очередь в этих группах паремий можно также выявить положительную и отрицательную характеристику.

В паремиях русского народа социум, чаще конкретизируемый словами “народ”, “мир”, воспринимается как главная доминирующая и подчиняющая сила в обществе. Решение народа, т. е. большинства, воспринимается без нареканий, поэтому в русском языке есть такие пословицы, как *глас народа – глас божий* [6, с. 404]. В кыргызском языке общество, народ так же имеет огромную силу. Если народ говорит, то говорит только правду – *калк айтса, калп айтпайт* [7, с. 407]. Оценка народа, признание народом считается самым главным мерилем жизни, доблести для кыргыза: *балам бар деп мактанба, эл ичинде көрүнбөйт* (букв. “не хвастайся тем, что у тебя есть сын, его не видно среди народа”), т. е. сын еще не признан народом.

Человек является частью общества, только в обществе людей он становится человеком, личностью: *киши киши менен киши*, т. е. человек только с человеком человек. А если отдельная личность поставит свои интересы выше общества, то его в обязательном порядке постигнет кара: *бөлүнгөндү бөрү жейт* (букв.: “отделившегося съедят волки”). В русском языке есть также аналогичные единицы: никакой мирянин от мира не прочь. *От миру прочь – не мирянин* [6, с. 405]. Но с другой стороны, как в русской, так и в кыргызской культуре допускается субъективность, неправдивость оценки, данной социумом: *эл оозунда элек жок* (букв.: “у рта народа нет сита”), в русском: *на чужой роток не накинешь платок*.

Наиболее точную и полную характеристику и в русской и в кыргызской культуре личность получает в зависимости от отношения к слову, по шкале коммуникативной ценности – “хорошо и правильно говорить”.

С позиции характеристики коммуникативного поведения ученые все чаще начинают обращаться к проблеме доминантных особенностей общения. “Под доминантными особенностями общения понимаются такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, то есть в идеале – вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т. д.” [3, с. 159].

Изучение национально специфических (доминантных) и всеобщих (универсальных) особенностей коммуникации, понимание причин различий в коммуникативном поведении дает возможность понять другой народ, себя, свой народ и правильно, адекватно строить не только межличностные, но и межгосударственные отношения в разных сферах деятельности.

Универсальные принципы организации речевой деятельности были разработаны в прошлом веке Г.П. Грайсом [8, с. 65]. По его мнению, в успешном проведении любого диалога большую роль играет принцип кооперации (т. е. сотрудничества), соблюдение которого ожидается от всех коммуникантов, если для них целью общения является максимально эффективная передача информации. Данный принцип объединяет совокупность постулатов, или максим: 1) количества; 2) качества; 3) отношения/релевантности; 4) способа. Позднее они были дополнены постулатом вежливости Дж. Лича. Он полагал, что причиной нарушения принципа кооперации Грайса является вежливость [9, с. 65]. Указанные принципы общения Грайса и Лича были дополнены и продолжены лингвистической теорией вежливости П. Брауна и С. Левинсона. Согласно их теории, основным мотивом в речевой деятельности является стремление “сохранить лицо”. Авторы полагают, что речевую деятельность любого народа определяют, с одной стороны, желание свободно совершать действия и не подвергаться давлению со стороны, и желание получить одобрение, с другой [10, с. 62].

Если рассмотреть паремии русского и кыргызского народов с позиции указанных принципов, то можно увидеть много универсальных для обоих народов черт, поскольку оба народа относятся к коллективистскому типу. При этом следует отметить, что дифференциация культур на коллективистские и индивидуалистические не может в полной мере выявить особенности коммуникативного поведения русского и кыргызского народов, поскольку в них переплетаются черты обоих видов культур.

В русских и кыргызских паремиях отражены максимы качества: 1) *не говори того, что ты считаешь ложным*; 2) *не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований*. В культуре обоих народов осуждаются *ложь и сплетни*: *вранье не введет в добро* [6, с. 206], *калттын арышы кыска* (букв.: *у лжи шаг короткий*) [7, с. 332]. *Что лживо, то и гнило* [6, с. 207]. *Калп ырыс кесет* (букв.: *ложь счастье отсекает*) [7, с. 332]. *Бир күн калтың билинсе, сөзгө алгысыз болорсуң* (если однажды обнаружится твоя ложь, ты лишишься уважения) [7, с. 159]. *Не из чести переносят вести (сплетни)* [6, с. 216]. *Ушак – ылай сымал, карайта албаса,*

булгап коёт (букв.: сплетни подобны грязи – не могут очернить, так испачкают). Калпта – чындык, ушакта – жакшылык жок (букв.: у лжи нет правды, у сплетен нет добра).

По следующему постулату, т. е. максиме количества Г. Грайса [8, с. 222–223], высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется. Если для русского коммуникативного поведения характерны такие черты, как готовность общаться на любые темы даже с незнакомыми людьми, словоохотливость, искренность, то кыргызы не сразу идут на контакт с незнакомыми и считаются немногословными. Об этом свидетельствуют пословицы, в которых подчеркивается преимущество молчания и краткость речи: *унчукпаган үйдөй балэден кутулуптур* (букв.: молчавший избежал большого несчастья). *Жиптин узуну, сөздүн кыскасы жакшы* (букв.: лучше длинная веревка и краткая речь).

Максима количества Грайса связана с максимальной способа (выражайся ясно, то есть избегай непонятных выражений, неоднозначности, будь краток, будь организован) [8, с. 222–223]. В паремиях кыргызского народа содержатся такие рекомендации: *аз сүйлө, саз сүйлө*, т.е. говори мало, но содержательно. Такого же содержания пословицы имеются и в русском языке: *недолгая речь хороша, а долгая – поволока*. В русском паремиологическом фонде также присутствуют паремии, в которых эксплицируется призыв к осторожному обращению со словом: *лучше недосказать, чем пересказать; лучше оступиться, чем оговориться* [6, с. 167]; *не то мудрено, что переговорено, а то, что недоговорено* [6, с. 227].

Согласно нормам коммуникативного поведения обеих культур, в русских и кыргызских пословицах словам и их значениям, а также требованию – не говорить лишнего – придаётся большое значение, так как именно со слов и языка начинаются все несчастья: *лишнее говорить – себе вредить; лишнее слово в досаду вводит* [6, с. 165]. В кыргызском: *сууну көп кечсе чалчык болот, сөздү көп сүйлөсө, тантык болот* (букв.: если много раз переходить воду – (в месте брода) образуется грязь, если много говорить, то получается болтовня) [7, с. 342]. В культуре русского и кыргызского народов ценится бережное обращение со словом: *язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет* [6, с. 189]. *Слово не обух, а от него люди гибнут* [6, с. 96]. *Тилден бал да тамат, уу да тамат* (букв.: с языка капает и мед, и яд). *Кылыч жарасы бүтөт, сөз жарасы бүтпөйт* (букв.: рана от меча затянется, рана от слов не затянется).

Следует отметить, что в русском коммуникативном поведении собеседнику обычно не говорят

“не знаю”. Если даже нет достаточной информации, человек готов поделиться ею, помочь своими советами, а в кыргызской культуре чаще предпочитают говорить “не знаю”, чем “знаю”: *билбейм деген бир сөз, билем деген көп сөз* (букв.: сказать “не знаю” – это одно слово, сказать “знаю” – это много слов) [7, с. 266]. Видимо, это связано с тем, что принцип – “больше слушать и молчать, чем говорить” является своего рода неписанным законом кыргызов в воспитании молодого поколения: *азаматтын жакшысы азыраак сүйлөп көп тыңшайт, аргымактын жакшысы азыраак оттоп көп жуушайт* (букв.: лучший из джигитов меньше говорит и больше слушает, лучший из скакунов меньше ест и больше отдыхает). *Бир сүйлө, эки ук* (букв.: говори один раз, слушай два раза). *Кулак – экөө, тил – бирөө* (букв.: ушей – двое, язык – один).

А в русских пословицах отражается отрицательное отношение к молчанию: *молчать, так и дела не скончат* [6, с. 184], что связано с высокой степенью коллективизма и соборности [11, с. 100; 12, с. 85]. Следовательно, в русской культуре немногословность не является коммуникативной ценностью общества. Русский народ с недоверием относится к необщительным людям, считая их неискренними и опасными, скрывающими свои злые намерения: *молчан-собака да тихий омут опасны* [5, с. 184]; *молчан-собака из-под подворотни хватает* [6, с. 184];

Регулятивность как одна из черт русского коммуникативного поведения проявляется в паремиях с емкой “совет”. В них совет оценивается не как вторжение в личное пространство, приводящее к “потере лица”, а как помощь со стороны. Большинство русских паремий отражает в своем содержании только положительные характеристики советов и призыв следовать им: *всякий совет к разуму хорош* [6, с. 55]; *где совет, там и свет* [6, с. 66]; *людей не слушать – в добре не жить* [6, с. 170]; *кто не слушает советов, тому нечем помочь* [6, с. 151].

А в кыргызской культуре советоваться, делиться своим опытом могут только седобородые мудрецы – аксакалы и люди старшего поколения: *карынын кебин капка сал* (букв.: слова старца положи в мешок, т.е. запомни). Следовательно, в подобных паремиях, где эксплицитно или имплицитно выражается значение совета, демонстрируется “вертикальное коммуникативное поведение” (термин – И.А. Стернина), которое стало главным принципом жизни и связи между поколениями у кыргызского народа – уважение к старшим.

Таким образом, коммуникативное поведение русского и кыргызского народов имеет как специфические, так и универсальные общие черты.

Анализируя русскую культуру, С.Г. Тер-Минасова отмечает, что она “находится на перепутье между Западом и Востоком, но в базовых своих чертах – коллективистской направленности, в частности, – тяготеет к Востоку” [12, с. 113]. Эту общность черт в коммуникативном поведении русских и кыргызов можно увидеть в паремическом богатстве, в котором отразились нравственные ценности, характерные для коллективистских культур.

Литература

1. *Стернин И.А.* Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике / И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев, У./Д. Камбаралиева // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 2. С. 200–205.
2. *Стернин И.А.* Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / науч. ред. З.Д. Попова / И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008.
3. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ 2001. 227 с.
4. *Айтматов Ч.Т.* Полное собрание сочинений: в 8 т. / Ч.Т. Айтматов. Алматы, 2008.
5. *Даль В.И.* Пословицы русского народа / В.И. Даль. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 991 с.
6. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина. М.: Худ. лит., 1988. 431 с.
7. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь: в 2 кн. / К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. Кн.1. А-К. 504 с. – Кн. 2. Л-Я. 480 с.
8. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Выпуск 16. С. 217–237.
9. *Leech Geoffrey N.* Principles of Pragmatics. Longman Group Limited / Leech Geoffrey N. New York, 1983. 250 p.
10. *Brown P., Levinson S.* Politeness. Some universals in Language usage / P. Brown, S. Levinson. Cambridge University Press, 1988. 345 p.
11. *Прохоров Ю.Е.* Русские: коммуникативное поведение: 3-е изд., испр. / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. М.: Флинта: Наука, 2007. 328 с.
12. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. М.: СЛОВО, 2008. 344 с.